

УДК 821.161.1.09

**Р. М. РИЛЬКЕ И С. Д. ДРОЖЖИН:
К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

А. М. Бойников

Тверской государственной университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье поставлена проблема творческого взаимодействия Р. М. Рильке и С. Д. Дрожжина, которая представляется продуктивной в контексте изучения истории российско-германских культурных и литературных связей.

Ключевые слова: *лирика, культура, интертекстуальность, Россия, Р. М. Рильке, С. Д. Дрожжин*

Внешне непостижимым путём произошло знакомство двух поэтов – Райнера Мария Рильке (1875–1926) и Спиридона Дмитриевича Дрожжина (1848–1930), состоявшееся на тверской земле летом 1900 г. Разные по возрасту и восприятию жизни, они олицетворяли собой и своим творчеством различные национально-культурные и поэтические миры, однако их встреча вылилась в духовное взаимообогащение, окрашенное радостью узнавания нового таланта, и обоюдную личную симпатию.

Что же послужило причиной неожиданного интереса европейски образованного Рильке к Дрожжину, носителю и выразителю традиций другой культуры, иной «почвы», поэту-самоучке, чья муза «родилась в крестьянской избе, // Ни читать, ни писать не умела...»? [5, с. 186]. Поиск ответа на этот вопрос не позволяет обойти молчанием то, чем была для Рильке Россия, которую он посещал дважды: весной 1899-го и летом 1900 г.

Эти поездки стали важнейшим рубежом в развитии Рильке как личности и художника; они вплотную приблизили его к непосредственному познанию русской жизни и культуры. Рильке, наверное, единственный немецкий поэт, стремившийся окинуть Россию не кичливым взглядом просвещённого иностранца, а пытливым взглядом её восторженного первооткрывателя, «очарованного странника». 28 мая 1899 г., сразу после своего первого путешествия в Россию, он писал своей русской знакомой Е. М. Ворониной: «Вы видите, дорогая Елена, у Вас в России я впервые ощутил призвание искать и находить. Это самая настоящая научная страсть, которая повсюду заглушалась во мне и подавлялась обилием материала, и она неустанно влечёт меня навстречу этим неизведанным загадкам, перед которыми чувствуешь себя первооткрывателем» [9, с. 146].

Для себя Рильке открыл в России кладёз духовно-нравственных ценностей, которые он искал, но не мог обрести на Западе, насквозь пронизанном этикой практицизма и индивидуализма. Одной из таких загадок стал для него С. Д. Дрожжин.

Впервые Рильке узнал о поэте-крестьянине зимой 1899–1900 гг. от Софьи Николаевны Шиль (1861–1928), писательницы, литературного критика и сотрудницы основанного Л. Н. Толстым издательства «Посредник». В конце декабря 1899 г. Рильке встретился с Шиль в Шмаргендорфе, одном из округов Берлина, где та проживала по соседству в пансионе на улице Шиффбауэрдамм. С момента знакомства по февраль 1900 г. она помогает Рильке и его подруге Луизе Густавовне (Лу) Андреас-Саломе (1861–1937) в изучении русского языка и литературы.

Кроме того, С. Н. Шиль давала Рильке для прочтения и стихи русских поэтов, среди которых оказался и дрозжинский сборник «Песни крестьянина» (1898) [4].

Помня рассказы С. Н. Шиль о самом Дрожжине, крестьянине, живущем в глухой деревне, пишущем и издающим стихи, по-видимому, уже преуспев в освоении русского языка, Рильке 23 февраля 1900 г. восторженно отзываясь о его поэзии: «Прислав мне книги, Вы приятно обогатили мои дни и до краёв наполнили каждый из них драгоценным смыслом. Сразу же начну с того, что меня больше всего порадовало: С . Д . Д р о ж ж и н . Это было для меня большой неожиданностью. Зрелая простота, за которой угадывается глубокий и молчаливый, одинокий человек, соединяется с прекрасным звучанием, мастерством и подвижностью ритма. Я тотчас же перевёл кое-что. Свой перевод я пришлю Вам в следующем письме, а также укажу Вам те стихи, которые мне особенно понравились. А таких немало. Все они полны музыки и танца. "Песни о горе и радость" (так в тексте. – А. Б.) заключают в себе движение танцующих групп и дрожь балалайки, и надо всем этим – вибрация голосов. – С какой симпатией даны все деревенские картинки, как прочувствованы все праздничные вечера и как выплакана вся печаль этого зреющего сердца. На обложке указаны ещё три книги Д р о ж ж и н а ; нельзя их достать для меня?» [9, с. 182]. Это его желание впоследствии исполнилось.

Рильке перевёл на немецкий язык четыре стихотворения Дрожжина. Два из них – «Прими меня, сторонюшка родная...» и «В родной деревне» («Всё тот же синий лес, всё те же косогоры...») под общим заголовком «В родной деревне» Рильке поместил в газете «Пражский вестник» 15 апреля 1900 г. [9, с. 185]. Переводы двух других стихотворений – «Молитва» («К Тебе, мой Боже, Спаситель мира...») и «Я для песни задушевной...» сохранились в рукописи и были опубликованы в 1934 г. Софи Брутцер [10, с. 80]. Кстати, последнему стихотворению Рильке дал заглавие «Сила песни» (по названию раздела, в который оно входило).

Из 55 стихотворений сборника «Песни крестьянина» Рильке выбрал для перевода именно те, что совпадали с его представлениями о русском человеке и его внутреннем мире. Дрозжинские строки зазвучали в унисон душевным движениям Рильке, его раздумьям, исполненным любви к России: «Я для песни задушевной // Взял лесов зелёных шёпот, // А у Волги в жар полдневный // Тёмных струй подслушал ропот; // Взял у осени ненастье, // У весны – благоуханье; // У народа взял я счастье // И безмерное страданье» [4, с. 35].

После возвращения на родину Рильке пишет вторую книгу «Часослова», назвав её «книгой о паломничестве» [8, с. 85]. Естественно, здесь подразумевается паломничество в Россию. Вся книга построена в форме молитвенных монологов, наполненных не только религиозными, но и лирико-философскими размышлениями о смысле бытия.

Мы далеки от мысли, что лирика С. Д. Дрожжина – простая и безыскусная – прямо, сильно и разнообразно повлияла на стиль и поэтику стихотворений Рильке. Однако мы полагаем несомненным фактом наличие определённого духовного и эмоционального влияния поэта-крестьянина на взгляды Рильке в отношении России. Это была *перекличка мироощущений*. Так, 20 июля 1900 г. прямо из Низовки (родной деревни Дрожжина) Р. М. Рильке пишет С. Н. Шиль: «Сейчас мы находимся в деревне Низовка у любезного Спиридона Дим<итриевича> и, наслаждаясь его щедрым гостеприимством, чувствуем себя превосходно. <...> В ближайшие дни мы собираемся сделать большой шаг к сердцу России, в биение которого мы давно уже вслушиваемся, предчувствуя в его ритме те самые доли, которые необходимы и для нашей жизни» [9, с. 274].

Через 20 лет после вынужденного расставания с русской землёй Рильке в письме к литератору Леопольду фон Шлёцеру признался: «Чем только я ни обязан России, она сделала из меня *таким*, каков я ныне, из неё я вырос духовно, она – родина каждого моего побуждения, все мои духовные истоки – *там!*» (выделено авт. – А. Б.) [Цит. по: 1, с. 6].

Всё это творчески претворено в «Часослове», а именно – в мотивах отдельных произведений, в их искренней эмоциональной атмосфере. Кроме того, отметим присутствие в стихотворениях Рильке (как во второй, так и в третьей книге «Часослова») ряда бытовых и природных деталей, которые появились после почти недельного его пребывания у Дрожжина. Эти детали предельно обобщены и потому не имеют у Рильке ни чётких географических привязок, ни даже намёков на них.

По всей вероятности, стихотворение «Дом бедняка – как чудо в алтаре» навеяно пребыванием Рильке в Низовке: «ДОМ БЕДНЯКА – как чудо в алтаре. // Там Вечное становится ядомым, // а ввечеру опять бывает домом, // огромным кругом, внутрь себя ведомым, // оно идёт, как эхо по заре. // Дом бедняка – как детская рука. // Что нужно взрослым, ей того не надо. // Жучок усатый, веточка из сада, // гольшик из ручья, песка прохлада, певуньи-раковинки – ей услада» [8, с. 177–178; здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, перевод с немецкого С. В. Петрова].

Изба С. Д. Дрожжина стояла на краю Низовки. Этот бытовой штрих послужил для Р. М. Рильке толчком к философским раздумьям о жизни, вновь сопряжённым с мотивом странничества:

ДОМ одинокий на краю села –
как во вселенной у её конца.

Дорога постояла у сельца
и снова в ночь тихонько побрела.

Сельцо всего лишь робкий переход.
Меж двух пространств оно чего-то ждёт.
Не тропка, а дорога вдоль окон.

И кто из дому странствовать уйдёт,
в пути, быть может, смерти обречён [8, с. 114].

Не исключено, что данный мотив в этом стихотворении Рильке также навеян рассказами Дрожжина о своей судьбе. В поисках лучшей доли поэт в течение 35 лет скитался по России, меняя города и занятия.

Приведём другой яркий пример интертекстуального взаимодействия поэзии Рильке и Дрожжина – стихотворение последнего «В страду» (1875): «А прошёл сенокос, // Скоро рожь и овёс // Золотистым зерном наливаются: // Много жниц и жнецов // С деревень-хуторов // Грозной ратью тогда ополчается... // Жнут полоски подряд, // Лишь серпами звенят – // Нипочём им работа тяжёлая. // И вечерней порой // По дороге большой // Долго слышится песня весёлая» [5, с. 195–196].

Рильке в лирической зарисовке «На богомолье утром. И покорно...» откликается так: «Народ чредою с нивы возвратится, // как ладом песенным, с полей пойдёт» [8, с. 133].

Особую значимость имеют стихотворения Р. М. Рильке, написанные на русском языке. Одно из них – «Лицо» о «вечном лице труда» вряд ли появилось бы без личного знакомства с Дрожжиным.

Родился бы я простым мужиком,
то жил бы с большим, просторным лицом:
в моих чертах не доносил бы я,
что думать трудно и чего нельзя
сказать...
И только руки наполнились бы
моею любовью и моим терпением, –
но днём работой-то закрылись бы,
ночь запирала б их моленьем... [9, с. 632].

Необозримый волжский простор, увиденный Рильке в окрестностях Низовки, воспринимался им как первозданный доисторический мир, как вечный («божественный») пейзаж, неподвластный времени и не затронутый современной цивилизацией. 31 июля 1900 г. он писал: «Всё, что я видел до этого, было лишь образом страны, реки, мира. Здесь же всё подлинно. Мне кажется, я увидел само Творение» [Цит. по: 1, с. 60]. Аналогичную картину воспроизводит в своих воспоминаниях Лу Саломе: «На второй день была чудная погода, и мы пошли с Д р о ж <ж и н ы м > в лес, местами заболоченный. – не проходимые болота, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. <...> Вечером мы вышли на берег Волги, который подобен здесь морскому берегу; всё так располагает к себе, что хочется здесь жить всегда...» [9, с. 278]. Величественность тверской, срединной России, легендарной Волги воплощена Рильке в надземной перспективе: «Ты добр и с ним накоротке. // Прекрасен Ты ему, как лодка, // его везущая столь ходко // и чутко по большой реке. // Страна вдали, как в древней раме, // распространилась под ветрами, // хозяин ей – дремучий лес. // Навис над тихими полями // огромный произвол небес. // Деревни движутся и камни, // как дни в их чередѣ всегдашней // и словно благовест вчерашний, // который только что исчез. // Но вслед им над рекой всегда // встают, как птицы, города, // и машет крыльями их стая, // как праздник сей корабль встречая» [8, с. 113].

Кроме того, Лу Саломе вспомнила ещё один случай: «Пока мы стояли на берегу Волги, в совершенно тихом вечернем воздухе послышалось конское ржание, и какая-то резвая лошадка проскакала мимо нас, торопясь после дневной работы к своему стаду, ночующему где-то в долине. <...> Через некоторое время невесть откуда приплелась другая лошадка, волоча за собой деревянный чурбан, который привязали к её ноге, чтобы сдержать её дикие прыжки по колоссящему полю» [9, с. 278]. Рильке художественно трансформировал данный факт, но уже не в «Часослове», а в цикле «Сонеты к Орфею» [7, с. 117].

Есть у Рильке непосредственная русская переключка со стихотворением Дрожжина «Родина» (1871): «Кругом поля, раздольные, // Широкие поля. // Болота непроходные – // Там родина моя. // <...> // Высоко подымается // На горке Божий храм, // И снова извивается // Дорога по полям. // Идѣшь, идѣшь и края нет // Далѣкого пути, // И хочется весь белый свет // Обнять и обойти» [5, с. 137].

У Рильке во «Второй песне», написанной на русском языке, читаем: «Я иду, иду и всё ещё кругом // родина твоя, ветренная даль, // я иду, иду и я забыл о том, // что прежде других краѣв знал» [9, с. 628].

Сегодня взаимодействие творчества Р. М. Рильке с русской культурой и литературой активно исследуется в научном плане. Есть диссертации Т. П. Гуляе-

вой «Творчество Райнера Марии Рильке в диалоге с культурами России и Франции» (2006) [3], И. В. Пахомовой «Творчество Р. М. Рильке в аспекте связей с русской литературой "серебряного века": концепция любви» (2007) [6], Д. Н. Беловой «Русская рецепция орфического дискурса Р. М. Рильке» [2] и др. Поэтому вопрос, частично освещенный в настоящей статье, также представляется актуальным и продуктивным. Его изучение требует углубленного литературоведческого анализа конкретных стихотворений Р. М. Рильке и С. Д. Дрожжина в интертекстуальном аспекте, осуществляемого на основе постоянного сопоставления их с другими источниками (письмами, мемуарами и т.п.).

Список литературы

1. Азадовский К. «Россия была главным событием...» // Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 5–117.
2. Белова Д. Н. Русская рецепция орфического дискурса Р. М. Рильке [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0003437.pdf> (Дата обращения: 22.08.2014).
3. Гуляева Т. П. Творчество Райнера Марии Рильке в диалоге с культурами России и Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/tvorchestvo-raunera-marii-rilke-v-dialoge-s-kulturami-rossii-i-frantsii> (Дата обращения: 22.08.2014).
4. Дрожжин С. Д. Песни крестьянина. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина 1898. 92 с.
5. Дрожжин С. Д. Стихотворения. 1866–1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание, с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. 534 с.
6. Пахомова И. В. Творчество Р. М. Рильке в аспекте связей с русской литературой "серебряного века": концепция любви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar175.pdf> (Дата обращения: 22.08.2014).
7. Рильке Р. М. Лирика. М.: Худож. литература, 1976. 160 с.
8. Рильке Р. М. Часослов. СПб.: Изд-во «Азбука»; «Терра», 1998. 192 с.
9. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 656 с.
10. Brutzer S. Rilkes russische Reisen: Diss. Königsberg, 1934. (переизд. – Darmstadt, 1969); VII + 112 S.

R. M. RILKE AND S. D. DROZHZHIN: TO THE PROBLEM OF CREATIVE INTERACTION

A. M. Boinikov

Tver State University

the department of journalism, advertising and public relations

In the article the problem of creative interaction R. M. real-ke and C. D. Draggin, which seems to be productive in the context of studying the history of Russian-German cultural and literary relations.

Key words: *lyrics, culture, intertextuality, Russia, R. M. Rilke, S. D. Drozhzhin*

Об авторе:

БОЙНИКОВ Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33) e-mail: zoil69@mail.ru.